

П. Ю. КНЯЗЕВ, советник председателя правления Региональной общественной организации “Группа специалистов по пожарной безопасности” (Россия, 115230, г. Москва, Хлебозаводский пр-д, 7, стр. 9; e-mail: info@ptm01.ru)

Л. Н. САВЕЛЬЕВ, председатель правления Региональной общественной организации “Группа специалистов по пожарной безопасности” (Россия, 115230, г. Москва, Хлебозаводский пр-д, 7, стр. 9)

ПРЕЗУМПЦИЯ ВИНОВНОСТИ ИЛИ “ГОРЯЩАЯ РОССИЯ–2”*

В 2017 г. исполнилось бы 90 лет Государственному пожарному надзору (ГПН) и 40 лет со дня “усиления” ГПН. Именно “исполнилось бы”, потому что де-факто сейчас его практически нет. А те немногочисленные инспекторы, которые остались, продолжают уничтожаться официальной политикой МЧС под названием “риск-ориентированный подход”. В этой статье авторы приводят свои рассуждения о том, почему новый подход приведет к увеличению количества пожаров, жертв и материального ущерба.

“Так и хочется спросить тех, кто создал такую ситуацию: Вы хоть понимаете теперь, чего вы натворили?”

Из выступления Владимира Владимировича Путина на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН

Причина такого неблагоприятного прогноза, о котором говорится в преамбуле этой статьи, основана на анализе результатов 16-летнего руководства пожарной охраной лицами, не имеющими специального образования в такой специфической сфере, как пожарная безопасность. Итог этой деятельности вполне закономерен — беспрецедентные крупные пожары 2016 года, пожары с невероятной площадью — 10–15 тыс. м², пожары, на которых впервые со времен Великой Отечественной войны погибли 8 пожарных. Все это заставляет задуматься, а не сгорит ли в этом году еще больше? И чтобы понять, что происходит сейчас, необходимо проанализировать, в чем историческая и современная суть так называемого “гибкого нормирования”, объектно-ориентированного или риск-ориентированного подхода, нужно понять, откуда все это взялось, почему стало так популярно, почему считается заменой государственного пожарного надзора и к чему это может нас привести.

Начало и конец Госпожнадзора

В 2001 году пожарная охрана была передана из МВД под управление МЧС. И если у Министерства внутренних дел и без пожарных было обширное поле для деятельности (общественный порядок, следствие, оперативная работа и т. д.), то МЧС до момента присоединения пожарной охраны руково-

дило только работниками гражданской обороны, спасателями, кинологами и некоторыми другими специалистами, общее количество которых составляло примерно 30 тыс. чел. С приходом в состав ведомства 300 тысяч пожарных появилось обширное поле для руководящей работы, которая в лучших чиновничьих традициях заключалась в реформировании вполне успешно работающих систем и которая лучше всего описана Николаем Васильевичем Гоголем: “оно чем больше ломки, тем больше означает деятельность градоправителя”.

При выборе объекта для реформ новые руководители пожарной охраны опирались, скорее всего, на свой прежний комсомольско-строительный опыт. В “прошлой жизни” и министр МЧС, и его первый зам имели одну задачу, которая заключалась в том, чтобы побыстрее сдать построенный объект и отчитаться перед партийным руководством. Но этой работе конечно же мешали “занудливые, мелочные, придирчивые пожарные”, т. е. пожарный надзор.

История пожарной охраны знает случаи, когда принципиальная позиция представителей пожарного надзора “мешала” сдаче очень важных объектов. Достаточно вспомнить легендарный поступок генерала Евгения Ефимовича Кирюханцева, который, будучи еще только подполковником, “мешал и препятствовал” сдаче в эксплуатацию Дома правительства РСФСР, добиваясь обеспечения его пожарной безопасности [1], чтобы понять, насколько пожарный надзор был непопулярен в среде строителей, из ко-

* Опубликовано в РУБЕЖ (информационно-аналитический журнал) 31 мая 2017 г. (<http://ru-bezh.ru/lev-savelev,-pavel-knyazev/16398-prezumpciya-vinovnosti-ili-goryashhaya-rossiya-2>).

торой новые руководители противопожарной службы и вышли.

Именно по этой причине первыми пострадали нормативно-технические отделы Государственного пожарного надзора, подразделения, которые контролировали строящиеся объекты. Уже в 2006 году возводимые здания были выведены из-под контроля ГПН.

Это стало серьезным ударом по сложившейся системе, так как до реформ МЧС сама суть пожарной профилактики на уровне контроля заключалась в том, чтобы объект был правильно запроектирован, правильно построен и правильно эксплуатировался (рис. 1). *Правильно*, т. е. в соответствии с правилами, за соблюдением которых на всех этапах жизненного цикла объекта наблюдал пожарный надзор МВД, а затем — МЧС.

Единая система контроля была разрушена именно в центре. Если раньше одни и те же люди, знающие и фундаментальные принципы обеспечения пожарной безопасности, и друг друга, проверяли соблюдение правил на каждом этапе, могли обмениваться информацией, работать над безопасностью совместно, то теперь каждый этап перешел под контроль самых разных организаций, во многих случаях частных (рис. 2).

Рис. 1. Система пожарного надзора за объектами в России до 2006 года

Рис. 2. Система пожарного надзора за объектами в России после 2006 года

Последствия этих решений начали проявляться только сейчас. Застройщики стали зачастую сдавать объекты в эксплуатацию без визы специалистов Стройнадзора, да и в составе Госэкспертизы уже нет специализированных пожарных подразделений. Мечта-концепция комсомольцев-строителей, которых поставили руководить пожарной охраной, реализовалась: теперь можно сдавать объект в срок без помех со стороны пожарных. Осталось добить надзор на стадии эксплуатации, и тогда, цитируя одного уже украинского политика, можно будет забыть “о такой неприятности в нашей жизни, как пожарная инспекция” [2].

Печальнее всего то, что вся эта ситуация стала возможной во многом благодаря теоретикам в сфере пожарной безопасности, которые преждевременно предложили результаты своих теоретических работ для внедрения в практику. Так и появилось “гибкое нормирование” или “риск-ориентированный подход”, который еще называют объектно-ориентированным.

Его суть можно передать в следующих трех постулатах, в которых “объект защиты” — это здание, где может произойти пожар, а “собственник” или “бизнес” — человек или организация, принимающие решения, влияющие на безопасность третьих лиц.

1. Пожарную безопасность людей на “объекте защиты” можно посчитать по специальным методикам. Суть заключается в получении величины так называемого “пожарного риска”. Если этот показатель находится на приемлемом уровне, то он позволяет принимать решения о том, что какие-то правила пожарной безопасности можно не выполнять в целях “устранения излишних ограничений, вызывающих неоправданное удорожание строительства” [3].

2. Реализация на практике первого посыла делает необходимыми инновационные методы контроля — страхование, пожарный аудит, т. е. негосударственный контроль, который собственник объекта защиты сможет выбирать по своему усмотрению. Таким образом, появляется возможность еще больше сократить Госпожнадзор ввиду того, что он становится ненужным, тем более что он крайне коррумпирован.

3. Если безопасность человека подтверждена расчетом риска, то Госпожнадзор тем более не нужен, так как “бизнес” имеет право рисковать имуществом. Отсюда же следует, что собственник заинтересован в защите своих ценностей от пожара и будет самостоятельно заботиться об их сохранности. Собственник объекта защиты, как считают наши теоретики, в первую очередь сам заинтересован соблюдать требования пожарной безопасности. Поэтому в силу второго постулата именно ему можно

доверить выбор того, кто будет контролировать пожарную безопасность на объекте (при условии соблюдения первого постулата).

Так выглядит идеалистическая картина мира, где надзор не “кошмарит” бизнес, а предприниматели сами о себе заботятся и обеспечивают свою безопасность. Однако есть одно “но”. “Страшно далеки от народа” (А. И. Герцен) те, кто сформулировал эту теорию и внедряет ее сейчас в практику пожарного дела. Мы не зря назвали этот раздел “Начало и конец...”. Конец пожарного надзора в полном соответствии с этими постулатами был сформулирован в Основах государственной политики в области пожарной безопасности до 2030 года, где напрямую было задекларировано, что целью деятельности МЧС является не обеспечение пожарной безопасности, не пожарная профилактика, а “*снижение административной нагрузки на предпринимателей и граждан, осуществляющих предпринимательскую деятельность*” [4]. При этом мы очень сомневаемся в том, что при таком подходе до 2030 года Россия не сгорит полностью, и объясним, почему, разобрав детально каждый вышеописанный постулат.

Почему гибкое нормирование и риск-ориентированный подход не пройдут испытание временем?

Постулат № 1. Пожарная безопасность “считается” обеспеченной.

Пожарную безопасность нельзя “посчитать” достоверно ни по одной из существующих методик. Профессор И. М. Абдурагимов очень убедительно доказал это в работе [5]. Примечательно, что до сих пор никто не смог ответить на выводы профессора по существу: ни статьей, ни заметкой, ни конструктивной критикой.

Однако даже если эти методики были бы достоверны (а рано или поздно с развитием науки о динамике пожара и научной школы по “теории людских потоков” они приблизятся к приемлемой достоверности), наша практика показывает, что этот подход может быть применен только на этапах проектирования и строительства. В связи с этим мы никак не можем согласиться с утверждением профессора В. В. Холщевникова о том, что привязка безопасности к разнице между временем эвакуации и временем блокирования путей эвакуации опасными факторами пожара позволяет провести оценку риска “*на всех этапах жизненного цикла здания и в чрезвычайных ситуациях*” [3]. Эти методы вообще не учитывают множества факторов, влияющих на пожарную безопасность при эксплуатации объекта.

Таким образом, методики будут верны только в идеальной ситуации, в отрыве от реалий и совре-

менной психологии владельца объекта защиты, т. е. ученые полностью оставили “за бортом” поведенческие особенности человека, влияющие на результаты расчетов пожарного риска на уровне пожарной профилактики. Рассмотрим подробнее, почему.

Оценка пожарного риска заключается в сравнении времени, за которое люди успеют выйти из здания (t_3), со временем, за которое пожар распространится и лишит их этой возможности ($t_{6л}$). Таким образом, t_3 должно быть меньше $t_{6л}$:

$$t_3 < t_{6л}$$

Разные методики вычислений учитывают множество факторов: размеры путей эвакуации, психологию людей во время пожара, развитие самого горения (с той степенью достоверности, которая возможна на текущий момент). Единственное, что эта зависимость и эти величины не учитывают, так это нарушения правил эксплуатации, как, например, показано на фото на рис. 3.

На фото представлены разные способы эксплуатации эвакуационных выходов. Влияют ли эти нарушения на время эвакуации t_3 ? Конечно, напрямую. Делают ли они недостоверными расчетные методы оценки на этапе эксплуатации здания? Да. Получается, что в реальности время t_3 увеличивается, причем на неопределенную величину.

А что же со вторым параметром $t_{6л}$? Может, он в меньшей степени зависит от действий собственника? Рассмотрим примеры.

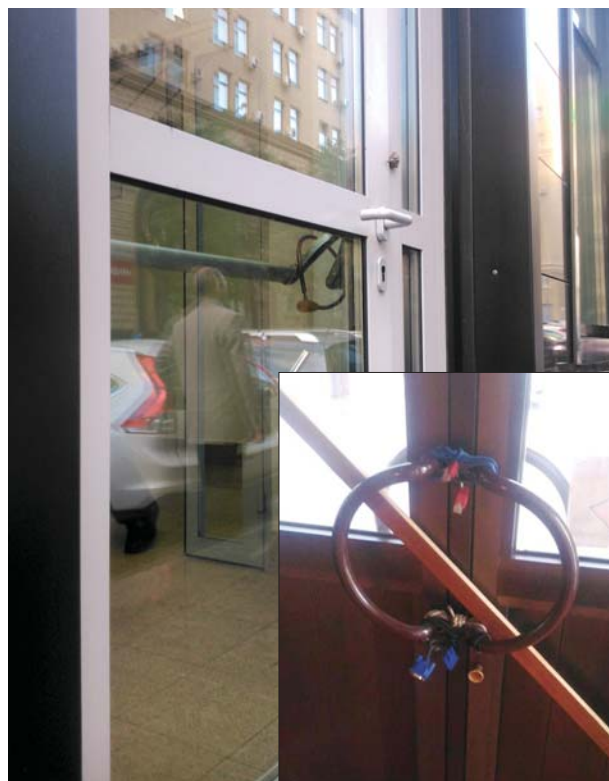

Рис. 3. Примеры эксплуатации эвакуационного выхода

Основными путями распространения опасных факторов пожара по зданию являются коммуникационные помещения, соединяющие этажи здания между собой. Это могут быть помещения для лестниц, лестничные клетки, лифтовые шахты, атриумы. Именно поэтому дверные проемы лестничных клеток должны быть защищены. Именно поэтому в различных нормативных документах есть требование о том, что двери лестничных клеток должны быть оборудованы устройствами для самозакрывания, которые ни в коем случае нельзя разбирать. И именно поэтому нас, как специалистов в области пожарной безопасности, смущают ситуации, когда мы видим, например, что доводчик для закрывания дверей сломан или вообще отсутствует (рис. 4 и 5).

В этих ситуациях возникают все те же вопросы. Влияет ли это на величину того самого риска, которым оценивается пожарная безопасность объекта? Ответ однозначный: конечно, влияет, ведь время распространения пожара сокращается и тоже на неопределенную величину.

В связи с вышесказанным стройная зависимость $t_3 < t_{\text{бл}}$ приобретает такую неактуальность, что становится страшно, когда на ее основе принимаются серьезные решения о мерах пожарной безопасности на различных объектах.

В дискуссиях по данной теме наши оппоненты обычно говорят: “Да, и что? В расчетах рисков все эти факторы учитываются на уровне рекомендаций. А сами расчеты нужны, чтобы уходить от избыточных требований при проектировании и строительстве. Методика не имеет отношения к тем нарушениям, на которые вы указываете”.

Рис. 4. Разобранное устройство для самозакрывания двери лестничной клетки

Рис. 5. Устройство для самозакрывания дверей отсутствует

Согласны, расчеты никак не относятся к обозначенным нарушениям правил пожарной безопасности. На этапах проектирования и строительства с определенным допущением можно принять результаты расчетов в качестве довода при выборе средств защиты. Но на этапе эксплуатации риск-ориентированный подход неприменим в принципе, так как он не учитывает непреодолимое желание собственника нарушать в угоду своему пониманию приоритетов те или иные правила в процессе эксплуатации, а ведь и люди, и имущество будут гореть именно на этой стадии жизненного цикла здания. И остановить собственника сейчас практически некому, ведь в условиях, когда в качестве главной задачи МЧС при осуществлении надзора официально задекларировано вовсе не обеспечение пожарной безопасности, становится некому следить за тем, чтобы двери не были заблокированы, а доводчики находились на своих местах и были исправны.

По мнению апологетов риск-ориентированного подхода, это не проблема. На нее вроде как отвечает их постулат № 2, против которого мы тоже приведем возражения, опираясь на собственную практику взаимодействия с бизнесом по вопросам пожарной безопасности.

Постулат № 2. Бизнес имеет право рисковать имуществом, поэтому нужны негосударственные методы контроля и надзора, позволяющие бизнесу решать самостоятельно, что ему делать со своей собственностью, а коррумпированные пожарные только мешают.

Раньше задачи по контролю за выполнением требований пожарной безопасности на стадии эксплуатации находились в зоне ответственности ГПН (см. рис. 1). Однако Госпожнадзор следует по пути

реформирования и внедрения системы оценки пожарных рисков в повседневную практику.

Многие предприниматели выражали недовольство работой сотрудников Госпожнадзора, которые “кошмарили” бизнес, привлекали собственные фирмы по монтажу пожарной сигнализации или продаже огнетушителей. Это, конечно, в корне неправильный подход, незаконный, отвратительный, порочащий честь пожарной охраны. Но давайте посмотрим, изменилось ли что-либо в результате реформ и внедрения риск-ориентированного подхода?

По сообщениям СМИ “в конце октября 2016 года правоохранители задержали двух сотрудников отдела надзорной деятельности и профилактической работы г. Архангельска. Летом прошлого года те проверяли Северный государственный медицинский университет на соответствие требованиям пожарной безопасности. По версии следствия, желая заработать на служебном положении, работники подразделения МЧС обратились к сотруднику учреждения, отвечающему за пожарную безопасность, и предложили взамен назначения штрафных санкций устранить нарушения путем выполнения расчетов пожарного риска. Позже в деле руководителя подразделения появились еще два коррупционных эпизода. Следствие установило, что в 2015 и 2016 годах работники пожарнадзора выявили нарушения требований пожарной безопасности в торговом центре “Солембала” и в частном детском саду” (фрагмент новостей с портала News29.ru [6]).

Примечателен и тот факт, о каких объектах идет речь в сообщении из Архангельска. В 2009 году в интервью газете “Московский комсомолец” заместитель директора Департамента надзорной деятельности МЧС России утверждал, что расчет “может быть использован для высотных зданий, торговых центров, объектов оборонного комплекса, атомной промышленности, других уникальных объектов. Доля таких объектов — 0,001 %. В остальных 99,999 % расчеты производить не нужно” [7]. Что в свете сказанного было уникального в университете или детском саду, чтобы вместо реальных мероприятий предписывать проведение расчетов рисков, непонятно. И самое важное: первоначально этот инструмент — независимую оценку рисков, расчет индивидуального пожарного риска планировалось, по утверждению одного из высших должностных лиц МЧС, применять в исключительных случаях. Спустя восемь лет декларируемая политика поменялась настолько, что только во Владимирской области оформлено 301 заключение по независимой оценке пожарного риска, из них 73 для офисных помещений и 45 для торговых объектов. Что в них может быть уникального? В связи с этим возникает вопрос, когда МЧС говорило и поступало правильно?

В 2009 году, утверждая, что пожарный риск нужен только для уникальных объектов, или в 2017, навязывая его детским садам?

Коррупция в Государственном пожарном надзоре — постыдное и реальное явление, но внедрение риск-ориентированного подхода не привело к решению этой проблемы, а только усугубило ее. Если раньше коррупция (что никак ее не оправдывает) приводила к выполнению на объектах реальных мероприятий, пусть и усилиями аффилированных фирм, то в результате внедрения риск-ориентированного подхода коррупция не исчезла, а перешла на новый уровень. Проще говоря, раньше принимали меры по повышению пожарной безопасности, закупали огнетушители, монтировали сигнализацию, выполняли огнезащитные работы. В настоящее время все чаще вместо реальных действий надзорные органы предлагают “оформить” нужный отчет.

Например, в Покрове Петушинского района Владимирской области в результате проведения аудита была выявлена необходимость выполнения работ по оборудованию здания системой пожаротушения и противодымной вентиляции стоимостью около 2 млн. руб. По результатам проведения независимой оценки стоимостью 100 тыс. руб. была обоснована возможность невыполнения данных мероприятий. Это информация из официального доклада МЧС. И тут же проходит сообщение в СМИ о том, что в Москве (6-й Загородный пр., вл. 5) загорелся ангар со складированным картоном. Площадь пожара внутри металлического ангара составила около 1,2 тыс. м². Такой ангар должен был защищаться системой автоматического пожаротушения, но раз он выгорел, очевидно, такая система отсутствовала. По-видимому, кто-то также обосновал возможность ее не устраивать. И что в результате? Сгорело имущество, нанесен урон экологии. Причем если кто-то считает, что это проблема собственника имущества, то он ошибается, хотя бы потому, что в результате уменьшился ВВП нашей страны. Что-то подсказывает нам, что владелец ангара после пожара был бы непротив, если бы его “покошмарили” до того, как у него сгорело несколько миллионов. Вместо этого ему предлагают “инновационные” и современные методы контроля — страхование, пожарный аудит и т. п., причем исключительно в целях его защиты.

При этом никто не принимает во внимание тот факт, что страховщик или эксперт аудиторской компании — это тот же инспектор, только без погон. Как следствие, этот проверяющий будет зависим от своего нанимателя — от того, кого он должен проверять, что сводит на нет весь смысл проверки.

Схема страхования в своей основе, на первый взгляд, кажется логичной:

- 1) закон предписывает страховать риски, т. е. вносить в страховой фонд определенную сумму;
- 2) бизнес сам выбирает страховщика;
- 3) страховщик оценивает объект, в том числе смотрит на выполнение правил при эксплуатации;
- 4) при нарушении правил бизнес платит столько, чтобы страховать ему было невыгодно.

Схема могла бы работать, если бы не одно “но”: бизнес сам выбирает страховщика.

Предположим, придет компания № 1 и скажет: “Заплатите 1 млн. рублей, у вас много нарушений, иначе мы вас не застрахуем”. Тогда предприниматель подумает о том, чтобы найти другого страховщика, погибче, полаяльнее. Компания № 2, в свою очередь, предлагает оформить страховой полис за 100 тыс. руб. Понятно, что бизнес выберет вторую фирму. Понятно также, что эта фирма может обанкротиться и вообще ничего не выплатит. Те, кто пытался что-то получить от страховых компаний, понимают это очень хорошо.

В результате ничего не изменилось: нарушения требований безопасности как были, так и остались, а пожаров меньше не стало.

Утверждение о том, что собственники бизнеса заинтересованы в сохранности своего имущества, в большинстве случаев не работает. Главный интерес бизнеса — прибыль, поэтому ко всем требованиям пожарной безопасности он относится, как к излишним и неэффективным расходам, потому что пожар может быть, а может и не быть.

Павел Казимирович Яворовский, один из основоположников пожарного дела в России, высказывал по этому поводу следующее мнение: *“При попытке дать объяснение такого явления приходится предположить, что в былое время боязнь потерять свое имущество от пожара была больше, чем теперь... Отчасти под влиянием улучшения мер огнетушения, ...вследствие расширения и удешевления страхования от огня: в настоящее время можно встретить немало владельцев имущества, которые на все указания о необходимости противопожарных улучшений в их владениях равнодушно и безапелляционно отвечают: “У меня все застраховано!” ...Вот главный мотив”* [8].

Таким образом, удешевление страховых услуг в области пожарной безопасности приведет только к ослаблению значимости средств пожарной безопасности и к пренебрежению правилами со стороны бизнеса.

К таким же результатам уже приводит пожарный аудит со стороны частных компаний, поскольку “неудобного” эксперта независимой оценки пожарного риска можно подвинуть, убрать, расторгнуть

с ним договор. Это позволяет нам опровергнуть третий постулат, который столь же далек от реальности, сколь и наивен.

Постулат № 3. Бизнес добросовестен, и его нужно защищать от пожарных, так как защита имущества и людей в его же интересах, и он понимает это сам.

Как следует из подборки фотографий (рис. 6), интересы предпринимателя вовсе не в соблюдении требований и обеспечении пожарной безопасности.

На одной чаше весов интерес бизнеса, причем он расценивает их как возможность делать все, что ему вздумается, при полной поддержке МЧС, которое внедряет риск-ориентированный подход и главная задача которого вовсе не обеспечение пожарной безопасности. На другой чаше — безопасность людей, тех самых третьих лиц, которые пользуются услугами предпринимателей. И что им делать?

Если обратиться с жалобой в МЧС, то министерство начнет согласовывать проверку с прокуратурой, что займет очень много времени. А незамедлительные проверки могут быть разрешены только при наличии угрозы для жизни, но само понятие “угроза жизни” не определено на законодательном уровне.

Конечно, всегда можно сказать, что “если что-то произойдет, бизнес за все ответит”. Однако при таком подходе теряется смысл деятельности пожарной охраны, одной из задач которой является *предотвращение* беды.

Резонансный пожар в типографии, происшедший в августе 2016 года, директор предприятия, несущий ту самую ответственность, назвал “несчастливым случаем”. Но какой же это несчастный случай, если руководство типографии само дало разрешение на проживание 17 чел. на территории объекта? Данный пример показывает, что бизнес далеко не добросовестен и может сознательно допускать гибель людей. И самое главное, то, что кого-то потом привлекут к ответственности, не вернет этих 17 чел.

Проблемы в результате внедрения риск-ориентированного подхода можно сформулировать следующим образом:

1. *Недостовверные методы оценки риска* не учитывают нарушений требований пожарной безопасности людьми на этапе эксплуатации объектов защиты.
2. *Обеспечение соблюдения эксплуатационных требований негосударственными мерами (страхование и независимая оценка пожарного риска)* неэффективно, так как в существующих реалиях всегда найдется специалист, который будет действовать в интересах не пожарной безопасности, а собственника.

Рис. 6. Интересы малого бизнеса как они есть. Люди? Выход при пожаре? А товар куда ставить? Снимать дополнительные площади? Караул, “кошмарят”!!!

3. *Собственники не знают требований пожарной безопасности, ставят их ниже интересов получения прибыли.*

Все сказанное можно подтвердить небольшим анализом статистических данных.

Что говорит об этом статистика?

Официальная статистика МЧС легко регулируется изменением правил статистического учета. Все достаточно просто. Достаточно считать жертвой пожара человека, умершего непосредственно в горящем здании, а не в больнице в течение месяца, и число погибших пойдет вниз. Достаточно считать некоторые пожары “возгораниями”, и количество их в течение отчетного периода также пойдет на убыль. Поэтому реальное положение дел в этом направлении характеризуется именно крупными пожарами, их частотой и количеством жертв. Резонансные ЧС нельзя назвать “возгоранием” и исключить из учета, поэтому их количество, масштаб и частота сейчас наиболее объективный показатель уровня противопожарной защиты.

В период с 1977 по 2001 гг. было зарегистрировано несколько крупных пожаров площадью несколько тысяч квадратных метров с многочисленными жертвами. Перечислим их:

1977 г. В гостинице “Россия”. Погибли 42 чел., пострадали 52 чел.;

1991 г. В гостинице “Ленинград”. Погибли 16 чел., из них 9 сотрудников пожарной охраны;

1993 г. На заводе “КамАЗ”. Площадь пожара — более 8000 м²;

1999 г. В здании Самарского главного управления внутренних дел. Погибли 57 чел.;

2001 г. На телебашне “Останкино”. Погибли сотрудник пожарной охраны и два работника телебашни.

В период с декабря 2001 по 2017 гг. произошло 18 крупных пожаров:

- 1) **2003 г.** В школе поселка Сыдыбыл (Якутия). Погибли 22 ученика, 39 детей получили ожоги;
- 2) **2003 г.** В республиканской школе-интернате для глухих детей (Махачкала). Погибли 28 мальчиков от 8 до 14 лет;
- 3) **2004 г.** В московском Манеже площадью около 6500 м². При тушении пожара погибло двое пожарных. Манеж сгорел полностью;
- 4) **2004 г.** В общежитии Российского университета дружбы народов. Погибли 43 чел.;
- 5) **2006 г.** В отделении “Сбербанка России” во Владивостоке. Погибли 9 чел., из них 8 женщин в возрасте 24–35 лет; 17 чел. получили травмы и ожоги;

- 6) **2007 г.** В доме-интернате для престарелых и инвалидов в одной из станций Краснодарского края. Погибли 63 чел., пострадали 29 чел.;
- 7) **2007 г.** В старом здании Московского института государственного и корпоративного управления. Из-за позднего сообщения о возгорании и заблокированного эвакуационного выхода погибли 11 чел.;
- 8) **2009 г.** В клубе “Хромая лошадь” в Перми — крупнейший по числу жертв пожар в постсоветской России. Погибли 156 чел.;
- 9) **2015 г.** В библиотеке Института научной информации по общественным наукам РАН. Площадь возгорания — более 2000 м²; уничтожен большой объем научной информации;
- 10) **2015 г.** В торговом центре “Адмирал” в Казани. Площадь возгорания — около 4000 м². Погибли 17 чел., в том числе один пожарный. Трое сотрудников ТЦ получили травмы и ожоги;
- 11) **2015 г.** На территории Тушинского машиностроительного завода: склад с бытовой химией и три пятиэтажных административных здания. Общая площадь пожара — 15 000 м²;
- 12) **2016 г.** На Тымлатском рыбокомбинате на Камчатке, одном из крупнейших рыбопромышленных заводов региона. Комплекс был уничтожен огнем на 70 %, площадь пожара — 10 000 м²;
- 13) **2016 г.** В складском помещении в здании бывшей типографии (Москва). Погибли 17 чел.;
- 14) **2016 г.** На складе искусственных цветов на Амурской ул. в Москве. Погибли восемь пожарных. Площадь пожара — 4000 м²;
- 15) **2016 г.** На крупном складе мебели в Истринском районе Московской области. Площадь пожара — 13 000 м²;
- 16) **2017 г.** На рынке в Мытищах. Площадь пожара — 4000 м²;
- 17) **2017 г.** В жилом доме в Краснодаре. Площадь пожара — 1500 м²;
- 18) **2017 г.** В ангарах в Щелково. Площадь пожара — 2300 м².

Примечательно, что именно в период глобального сокращения ГПН (последние два года) количество пожаров, их масштаб и последствия увеличились в десятки раз.

Почему таких масштабных пожаров не возникало с такой пугающей частотой до 2001 года? Возможно, потому, что у пожарной охраны были иные задачи, в большей степени отвечающие ее предназначению; потому, что пожарный надзор не считался “черной дырой” и в первой редакции федерального закона о пожарной безопасности для инспектора были предусмотрены такие права, как: “*утверждать*

самостоятельно... обязательные для исполнения... нормативные документы”, “проводить обследования..., в том числе и в нерабочее время”, “входить беспрепятственно”, “участвовать с правом решающего голоса”, “приостанавливать полностью или частично” и т. п. (ст. 6 [9]). Может быть, потому, что такой подход был ориентирован именно на главную и единственную причину пожаров — Человека, и его, человека, отношение к правилам, которые нужно соблюдать, что подводит нас к самому важному вопросу.

Что делать?

Именно из-за того, что причина всех пожаров на объектах, построенных и эксплуатируемых человеком, он сам, пожарная безопасность давно перестала быть проблемой только инженерно-технической. Все, что нужно, для того чтобы человек поборол пожар, уже придумано.

Теперь пожарная безопасность — это почти исключительно вопрос борьбы с незнанием и нежеланием жить и работать по правилам.

А с этим бороться можно двумя способами. Первый путь, отрицаемый всей современной политикой МЧС, — надзор, контроль, принуждение. Второй — обучение, воспитание, пропаганда. И первый путь МЧС отрицает, и второй не развивает. С этой стороны тоже все неладно.

Единственный документ МЧС, который регулирует обучение мерам пожарной безопасности, — приказ МЧС об обучении № 645. Однако этот документ не актуализировался с 2008 года. В нем все еще указаны Правила пожарной безопасности, отмененные пять лет назад. В нем множество противоречий. Во многих его положениях просто отсутствует логика. Какого результата, кроме пожаров площадью 15 тыс. м², можно ожидать, при таком внимании к обучению?

Необходимо с детства проводить обучение основам пожарной безопасности и формировать соответствующую культуру; вводить в школах уроки пожарного дела; формировать культуру не столько безопасности, сколько соблюдения правил как таковых, опираясь на теорию “разбитых окон”; проводить такое обучение с 1-го по 11-й классы; ввести учебную дисциплину “Пожарная безопасность” в вузы, уже применительно к специальности студента, не допускать регистрации юридических лиц без прохождения обучения мерам пожарной безопасности. Подождать, пока сменится пара поколений, и только тогда можно будет применять риск-ориентированный подход.

А пока мы постоянно сталкиваемся с тем, что автоматика на объектах выключается собственниками, чтобы “не дай бог не сработала”; эвакуацион-

ные выходы блокируются, чтобы никто не заходил; двери, препятствующие распространению пожара, фиксируются, чтобы не мешать проходу людей; с пожарных извещателей годами не снимают защитные колпачки, которые устанавливались на них при монтаже. Так о какой добросовестности бизнеса, собственника, человека все говорят? Какое ослабление надзора? Вам мало 18 крупных пожаров? Так будут еще.

Пока не поздно, государству нужно не только вернуть пожарному инспектору все права, но и наделить его новыми. Дать ему право при обнаружении нарушений правил пожарной безопасности на месте требовать их устранения вне зависимости от того, его это объект или нет, и на месте привлекать

нарушителей к ответственности. Нужно вывести пожарный надзор из-под действия Федерального закона о защите прав юридических лиц и параллельно заниматься обучением, улучшать нормы, совершенствовать деятельность ГПН, а не уничтожать его.

Пока не поздно, представителям “ОПОРА России” нужно защищать бизнес не от пожарного надзора, а от ошибок, которые совершают сами предприниматели. Для бизнеса, как основного виновника пожаров, необходимо ввести “презумпцию виновности”. В противном случае количество жертв и объемы ущерба будут расти в геометрической прогрессии. И снова придется готовить доклад Президенту под названием “Горящая Россия–2”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Соколов Н. За минуту до взрыва : очерк. — В сб. : Вызываем огонь на себя. — М. : Изд-во “Робин”, 1998. — С. 307.
2. Электронное периодическое издание “Лента.ру”. URL: https://lenta.ru/news/2016/09/05/fire_fighting/ (дата обращения: 20.05.2017).
3. Холицевников В. В. Памяти Всеволода Михайловича Предтеченского // Пожаровзрывобезопасность. — 2012. — Т. 21, № 10. — С. 10, 11.
4. Борисов Т. Придут по форме // Российская газета. — Федер. вып. № 7258(92). URL: <https://rg.ru/2017/04/27/mchs-podgotovilo-proekt-osnov-gospolitiki-v-oblasti-pozharnoj-bezopasnosti.html> (дата обращения: 20.05.2017).
5. Абдурагимов И. М. Еще раз о принципиальной невозможности выполнения расчетов пожарных рисков детерминированными методами // Пожаровзрывобезопасность. — 2013. — Т. 22, № 6. — С. 13–23.
6. Сотрудники МЧС опасаются реформ в пожарнадзоре из-за ареста коллег в Архангельске // Сетевое издание “News29.ru”. — 13.04.2017. URL: http://www.news29.ru/m/obschestvo/Sotrudniki_MChS_opasajutsja_reform_v_pozhnadzore_iz_za_aresta_kolleg_v_Arhangelske/63002/ (дата обращения: 20.05.2017).
7. Грекова О. Расчет пожарного риска применяется в редких случаях : интервью с А. Гилетичем // Московский комсомолец. — 19.10.2009. — С. 7.
8. Яворовский П. К. Об условиях безопасного в пожарном отношении возведения строений. — Тверь : Изд-во журнала “Страховое дело”, 1914. — С. 16, 17.
9. О пожарной безопасности : Федер. закон РФ № 69-ФЗ от 21.12.1995. — М. : Кодекс, 1996. — С. 7.

Материал поступил в редакцию 31 мая 2017 г.

Для цитирования: Князев П. Ю., Савельев Л. Н. Презумпция виновности или “Горящая Россия–2” // Пожаровзрывобезопасность / Fire and Explosion Safety. — 2017. — Т. 26, № 6. — С. 70–78.

For citation: Knyazev P. Yu., Savelyev L. N. Presumption of innocence or “Russia in fire–2”. *Pozharovzryvobezopasnost / Fire and Explosion Safety*, 2017, vol. 26, no. 6, pp. 70–78 (in Russian).